

ответственно, в их среде получили распространение традиции питья черного чая с сахаром, употребления русской водки и др.

Подводя итоги, следует констатировать, что система питания кударинских бурят второй половины XIX в. относилась к скотоводческо-зерновому классу: в ней доля продуктов животноводческого происхождения (молочных и мясных) превалировала над остальными группами пищевых продуктов. Сохраняя традиционные этнические черты, она в то же время включала ряд заимствований из русской кухни и утвари.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балдаев С.П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Записки Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-та культуры. 1958. Т. 25. С. 152–177.
2. Бадмаев А.А. Трансформационные процессы в жилищно-поселенческом комплексе кударинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 249–254.
3. Манишев Д.М. Хозяйство бурят в XIX веке: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 265 с.
4. Бадмаев А.А. Система питания забайкальских бурят в первой половине XIX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 250–257.
5. Крадин Н.Н. Кочевое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX века // Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Т. XII, fasc. 11. С. 213–244.

REFERENCES

1. Baldaev S.P. Legends about settling Kudrinsky and Cabanski Buryats. *Zapiski Buryat-Mongol'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'tury*. 1958. T. 25, S. 152–177. (In Russ.)
2. Badmaev A.A. Transformation processes in housing and residential complex Kudarinsky Buryats in the second half of XIX – early XX century. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012. T. 11, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*. S. 249–254. (In Russ.)
3. Mansheev D.M. Agriculture Buryats in the XIX century: the main factors and features of the development. *Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU*, 2011. 265 p. (In Russ.)
4. Badmaev A.A. The food system of the Zabaikalsky Buryats in the first half of the nineteenth century. *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*. 2012, t. 11, vyp. 7: *Arkheologiya i etnografiya*, s. 250–257. (In Russ.)
5. Kradin N.N. Nomadic economy Aginsky Buryats in the second half of XIX – early XX century. *Studia ethnologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli*, т. XII. Fasc. 11. P. 213–244. (In Russ.)

Статья принята редакцией 12.04.2015

УДК 392.3 395+397+ 398.4

В.А. БУРНАКОВ

РОЛЬ КУЛЬТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ХАКАСОВ: ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ПСИХОЛОГИИ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)*

Венарий Алексеевич Бурнаков,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17
e-mail: venariy@ngs.ru

В статье на основе лингвистических, исторических и этнографических сведений рассматривается феномен фетишизма у хакасов. В языке этого народа культовые предметы назывались *тӧс'ами*. В традиционной культуре данный термин обладает широким семантическим полем. Среди встречающихся значений выделяются такие понятия, как «основа», «сущность», «корень», «начало» и др. Смысловое содержание этого слова тесно связано с культом предков. Термин *тӧс* имеет древнетюркское происхождение и встречается у многих народов. В традиционной обрядовой практике хакасов *тӧс'ы* использовались в качестве семейно-родовых охранителей. В русской культуре эти сакральные для коренных жителей изделия обозначались словом «шайтаны» и связывались с «нечистой силой». В процессе этнокультурного взаимодействия русских и хакасов в лексический фонд последних вошел и термин шайтан.

Ключевые слова: хакасы, традиция, обряды, предки, фетиши, тӧс, шайтан.

* Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

V.A. BURNAKOV

**THE ROLE OF RELIGIOUS OBJECTS
IN SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS OF KHAKASSIA:
EVIDENCE FROM LINGUISTIC DATA, CULTURE AND PSYCHOLOGY
(THE LATE XIX – MID XX CENTURIES)**

Venaryi A. Burnakov,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography,
Acad. Lavrentiev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: venaryi@ngs.ru

The paper aims at studying a phenomenon of fetishism – so-called “tös” in Khakass. In order to achieve the stated goal the author traced the etymological origins of the term “tös”; defined the role played by fetishes in these people’s world-view and ritual practices, clarified to what extent these religious subjects were perceived by the Russian population; identified the results of Russian and Khakass cross-cultural interaction in the religious and mythological spheres. Chronological framework encompasses the late XIX – middle XX centuries. The choice of these time limits is determined, first of all, by the state of historical sources relevant to the subject being explored. Archival historical, linguistic and ethnographic materials have been used as the main sources. The work is based on an integrated systemic-historical approach to studying the past. The research technique is underlain by the following historical and ethnographic methods: scientific description, specific-historical method and method of relics. The linguistic method of etymology was used to study the word origins.

Fetishism has a special place in the Khakass culture. The sacred religious subjects were called tös. This term possesses a wide semantic field in these people’s world-view and language. Among its meanings one can find such concepts as “basis”, “essence”, “root”, “beginning”, and others. The semantic content of this word is closely connected with a cult of ancestors. The term “tös” has an ancient Turkic origin and can be found in many languages. “Töses” were used as family and patrimonial guardians in the traditional ceremonial practices of Khakass people. In Russian culture these products, sacral for aboriginals, were designated by the word ‘shaitans’ and associated with ‘evil spirits’. During the Russian and Khakass ethnic-cultural interaction the term ‘shaitan’ entered the Khakass vocabulary. Thus, the way aboriginal people used this term was very selective and peculiar.

Key words: Khakass people, tradition, fetishes, tös, shaitan, rituals, ancestors.

В мировоззрении и традиционной обрядности хакасов особое место отводилось фетишизму. Культурные предметы именовались *mös*’ами. Следует заметить, что в языке этого народа термин *mös* не ограничивается лишь обозначением фетишей. Он обладает широким семантическим полем. Под этой лексемой еще принято понимать следующее: 1) грудь, грудинка; 2) основание, подножие, корень; 2) сверхъестественные существа – духи и др. [1, с. 236; 2, с. 665]. В.Я. Бутанаев в ходе многолетних полевых этнолингвистических изысканий у хакасов дополнил семантику термина *mös* такими смысловыми категориями, как: 1) основные устои общества, 2) родительский кров, 3) духовная сила, дух народа, 4) ангел-хранитель и др. [3, с. 154].

Происхождение указанного термина, очевидно, своими историческими корнями уходит в древнетюркскую эпоху (VI–X вв. н. э.). Например, слово *töz* в значении «корень, основа, сущность» обнаруживается в «Древнетюркском словаре» [4, с. 582–583]. В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. Будагова эта лексема представлена в схожей трактовке – «основание, опора, начало» [5, с. 809]. Известный тюрколог С.Е. Малов, анализируя хакаские слова *mös* и *mös tün*¹, выявил родство этих слов с древнеуйгурским понятием «основа и сущность».

Э.В. Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» термин *töz* также возводит к древним пластам тюркской лексики и интерпретирует его не иначе, как: «происхождение, основание, корень, начало» [6, с. 284].

Не подлежит сомнению тот факт, что именно с древнетюркского времени термин *töz* / *mös* получает широкое распространение и среди коренных народов Южной Сибири, имеющих друг с другом тесные генетические и культурные связи. Так, данная лексема с аналогичным смысловым наполнением встречается у шорцев [7, с. 55], алтайцев [8, с. 156], телеутов [9, с. 87], тувинцев [10, с. 249–251] и др. Итак, семантика слова *mös* в культуре хакасов и шире – сибирских тюрков недвусмысленно указывает на его мировоззренческую фундаментальность и тесную связь с идеей сакральности и некоего порождающего мифологического первоначала. Хакасы нередко видели в них своих духов-первопредков.

Термин *mös*, в том числе в значении – фетиш, долгое время был не известен русским, несмотря на то, что некоторые из них имели возможность видеть такие предметы в процессе коммуникации с хакасами. Отметим, что становление начального этапа межкультурного взаимодействия русского и автохтонного населения Сибири происходило в условиях обоюдного довольно слабого, поверхностного знания языков контактирующих сторон, а также разнящегося мен-

¹ СПФА РАН. Ф. 1079. Оп. 1. Д. 183. Л. 277.

талитета и существенно отличающихся религиозных ценностей. Это находило свое отражение в том факте, что восприятие духовной культуры коренных жителей Сибири русскими неизменно осуществлялось сквозь призму христианского миропонимания [11, с. 155–179; 12, с. 107–114]. Данное обстоятельство существенно затрудняло процесс точного и адекватного перевода на русский язык отдельных мировоззренческих категорий и понятий, а также названий культовых объектов сибирских народов. Многие явления традиционной культуры местного населения нередко выходили за рамки христианского мировосприятия и православных ценностей. В полной мере это относится к шаманизму и атрибутам культа *тос'ов*. Так, еще в 1730-х гг. в описании служилого атамана Мугунчакова с товарищами о хакасах было сказано, что «оной народ состоит в вере своей: ни поста, ни молитв никаких не знает, а наипаче, что навывают шайтаном, и веруют в него и шаманят по их закону» (цит. по: [13, с. 114]).

Сверхъестественные существа и олицетворяющие их фетиши сибирских народов обычно воспринимались русскими в качестве языческих идолов «нечистой силы» и обозначались словом «шайтаны» [14, с. 84; 15, с. 685; 16, с. 1488]. В связи с этим служителей культа – шаманов нередко именовали еще и «шайтанщиками» [17, с. 108]. Утверждению слова *шайтан* сначала в русскоязычной среде, а затем и в иноэтнических сообществах в немалой степени способствовало православное духовенство. Их представители в своих проповедях, в делопроизводственных документах, этнографических очерках, и, конечно же, в бытовой речи широко использовали термин *шайтан*. При этом он мог употребляться в различных вариациях, например, шайтанки, шайтанчики и др. Так, священник Усть-Фыркальской Николаевской церкви Иоанн Данилов в конце XIX в., описывая культовые изделия хакасов подведомственного ему прихода, сообщал о том, что «изображения духов-шайтанов бывают или в виде маленьких разных лоскутков холстинных, дабиных, ситцевых, шелковых, парчовых, плисовых и пр., привязанных к концу палочки толщиною в палец и длиною аршина в полтора или два в виде разных человекообразных и зверообразных фигур, нарисованных красною глиною на клочке холста, длиною четверти в полторы и шириною в четверть. Изображения эти хранятся или за чувалом, или в укромном уголке задней стены вдаль от переднего угла, где стоят св. иконы»². А в отчете Красноярского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. была представлена характеристика состояния духовной жизни прихожан из числа коренных жителей. Отмечалось, что «язычества в чистом виде в приходе нет. Все инородцы крещены, хотя некоторые языческие верования еще доселе сохраняются среди стариков, у которых иногда можно бывает встретить наряду со Св. Иконами так называемые шайтанки, то есть изображения духов» [18, с. 20–21].

Между тем, несмотря на активную прозелитическую деятельность православных священнослужителей, слово *шайтан* долго приживалось среди хакасов. Даже к концу XIX в. для многих местных жителей оно оставалось новым и малоизвестным. Об этом, например, убедительно свидетельствуют полевые наблюдения Н.Ф. Катанова. Ученый констатировал факт того, что «миссионеры совершенно напрасно убеждают татар (хакасов. – *Авт.*), что не следует кланяться “шайтану”, тогда как они не только не кланяются ему, но и не знают самого слова шайтан» [19, с. 27].

Надо полагать, что выбор термина *шайтан* в качестве ключевого маркера языческих духов и идолов хакасов, как собственно и других сибирских народов, по всей видимости, был неслучаен. Само слово заимствовано русскими от тюркоязычных народов России и Центральной Азии, исповедовавших ислам, – от одной из авраамических религий, к числу которых, как известно, относится и христианство. По справедливому замечанию Э.Л. Львовой, слово «шайтан» изначально было заимствовано русскими из ислама и в дальнейшем использовалось ими для обозначения «нечистой силы» аборигенных этносов [20, с. 174]. При этом следует добавить, что непосредственно этимология этого термина восходит к арабскому *šaitān* и переводится как ‘сатана’, ‘дьявол’, ‘злой дух’, ‘черт’, ‘бес’ [15, с. 685; 16, с. 1488; 21, с. 637; 22, с. 395].

Данная лексема исторически и теологически была чрезвычайно близка библейскому образу Сатаны. В связи с этим заимствование и употребление слова *шайтан* легко и непротиворечиво вписывалось в христианское мировосприятие русских. В сознании православных верующих языческие идолы – шайтаны сибирских народов, как уже было отмечено выше, являлись материальным изображением и воплощением Вселенского зла и его слуг. Миссионеры, следуя заветам Священного Писания, в своей прозелитической деятельности должны были не только повсеместно распространять христианское вероучение, но и при этом всемерно искоренять все проявления идолопоклонства у новообращенных. Еще в начале XVIII в. в Сибири яркий пример непримиримого и воинственного отношения к «поганому язычеству» автохтонного населения активно демонстрировал митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский. Он практиковал радикальные методы христианизации сибирских народов. Например, его личный помощник Григорий Новицкий описывает цель поездки священника к сибирским инородцам в 1712 г. следующим образом: «крепкая нечестия столпы и основание их, на чем утверждаху злочестие свое, низрынуть, разорити капища, опровергти и сокрушити вся идолы» [23, с. 71]. Миссионерская стратегия Русской Православной Церкви (РПЦ) все же не оставалась неизменной. Со временем она корректировалась, применялись иные формы христианизации. Тем не менее традиционные культовые предметы коренных жителей Сибири при возможности изымались и уничтожались. Несмотря на это, хакасы, прилагая всевозможные ухищрения, все же старались сохранить

² ГА КК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 69. Л. 6.

свои традиционные верования и культовую атрибутику. В связи с этим Д.А. Клеменц в конце XIX в. сообщал о том, что «собирать сведения о них (*тӧс'ах*. – *Авт.*) чрезвычайно трудно; благодаря энергичным преследованиям всяких остатков шаманства инородцы скрывают от глаз посторонних своих идолов и отрицают упорно всякую связь свою с шаманским культом» [24, с. 23]. Подобную же картину духовной жизни хакасов наблюдал и А.В. Адрианов. Он констатировал, что, «несмотря на полицейские мероприятия духовенства, господствующим среди инородцев остается культ шаманства. Они обоготворяют силы природы, отдельные предметы – горы, реки, камни, обоготворяют символические изображения в честь того или другого духа, от которого зависит личное благополучие» [25, с. 36].

Полную неприязнь по отношению к культовым объектам и традиционной обрядности коренных жителей Сибири демонстрировали не только представители духовенства, но и рядовые верующие. Более того, последние всегда испытывали суеверный страх перед магическими практиками, атрибутами культа и шаманами коренных народов Сибири [26, с. 459; 27, с. 127–128]. Следуя общепринятой логике, чтобы успешно бороться с врагом или полнее обезопасить себя от его негативного влияния, надо, по крайней мере, знать, кто он такой и как его имя. Данный стереотип мышления нашел свое яркое отражение в известной поговорке «известный черт лучше неизвестного». Перед русскими применительно к данной ситуации возникали определенные сложности. Они не имели возможностей, а зачастую из суеверных и иных соображений не испытывали желания углубляться в познание сложной инородческой демонологии. Немалые затруднения для русских вызывала, очевидно, и фонетическая специфика, а также обусловленная этим труднопроизносимость многих лексических единиц сибирских автохтонов [24, с. 25]. В связи с этим наиболее удобным и емким обозначением всей когорты всевозможных духов и соответствующих их материальных изображений оказался такой специфический «инородческий» термин, как *шайтан*. Он не вызывал никаких фонетических затруднений у русских. Необходимо заметить, что не представляется возможным с точностью определить время заимствования этого слова. При этом абсолютно не вызывает сомнений тот факт, что слово *шайтан* уже к XIX в. наряду с выражениями «идолы поганые», «особливые болванчики», «инородческие божки» получило довольно широкое распространение в обиходе русских.

Со временем лексема *шайтан* в изначальном значении – ‘сатана, дьявол, черт’ – утвердилась и в хакасском языке. Это слово бытует в адаптированной форме – *сайтан* [2, с. 434], «*сайдан / сайден*»³. Между тем обращает на себя внимание то, что в традиционной культуре хакасов, как правило, данное слово не использовалось для обозначения зловердных сверхъестественных существ, по отношению к которым заведомо употреблялось слово *айна*. Кроме того, рассматриваемые культо-

вые объекты устойчиво назывались *тӧс'ами*. Лексема *сайтан / сайдан / сайден* в народе обычно используется лишь в качестве бранного слова и ругательного возгласа и не имеет какого-либо ритуального значения.

Наряду с этим в прошлом употребление хакасами указанного термина для обозначения сверхъестественных существ и фетишей все же допускалось при определенных обстоятельствах. Однако это происходило не внутри самого этноса, а лишь при коммуникации хакасов с русскоязычными представителями – исследователями, миссионерами и др. Следует пояснить, что и к концу XIX в. подавляющее большинство коренных жителей, особенно проживающих в отдаленных подтаежных территориях, как правило, не располагало достаточным словарным запасом русского языка, а чаще и вовсе не владело им. В связи с этим в процессе межэтнической коммуникации они не всегда имели возможность сделать точный и правильный перевод на русский язык многих явлений собственной культуры. Обычно для быстроты ответа и более адекватного понимания собеседниками специфики их верований, в т. ч. и назначения соответствующих ритуальных изделий, они порой вынужденно называли их всех шайтанами, как явление, связанное с их духовной жизнью и мировоззрением. При этом хакасы, конечно же, вкладывали в данное наименование свое понимание, которое по своему глубинному смыслу могло полярно отличаться от привычного для русского слуха значения произнесенного ими слова. Об этом, например, убедительно свидетельствуют материалы Д.А. Клеменца. В 1883 г. во время экспедиции по Хакасии в своем полевом дневнике он записал диалог со своим проводником-хакасом, затрагивающий тему традиционных воззрений его народа. Ученый писал:

Речь как-то перешла на шаманство. – Есть в России хорошие шаманчики⁴? – неожиданно спросил татарин (хакас. – *Авт.*). Я отвечал отрицательно.

– Значит, у вас шайтанов нет? – последовал вопрос.

– Не знаю, прежде, говорят, были, теперь что-то не слышать.

– Нет, и у вас есть шайтаны, только, должно быть смиренные. Русский народ – хитрый народ, бойкий народ, сам хуже шайтана. Татары смиренный народ, простой: оттого и шайтаны у нас сердитые, с убеждением заключил мой философ.

– Нет, – продолжил он, помолчав, – нам никак нельзя без шаманчика – шайтанов много. В тайге шайтан, на горах опять другие шайтаны. Пришел шайтан в юрту, испортил человека, захворал человек, как быть без шаманчика? [28, с. 7].

Как видно из текста, информатор Д.А. Клеменца под обобщающим словом *шайтан* на самом деле подразумевал целый круг неравнозначных для коренных жителей сверхъестественных существ. Из их числа можно выделить духов-хозяев местности – *ээлери* и зловердных демонов – *айналар*, духов-помощников шамана – *тӧстер* и др. Необходимо добавить, что активное

³ Полевые материалы автора.

⁴ Шаманчики – устар. шаманы, по-хакасски – *хам*.

употребление слова *шайтан* в дальнейшем получило широкое распространение и среди обрусевших хакасов, утративших многие черты своей этнической культуры, в т. ч. знание родного языка. В их религиозном сознании уже преобладали православные установки и ценности. Поэтому в их речи эта лексема точно так же, как и у русских, использовалась для обозначения злых духов и традиционных атрибутов культа их предков.

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов особое место отводилось культовым предметам – *тӧс*’ам и мифоритуальному комплексу, с ними связанному. В мировоззрении народа понятие *тӧс* наделялось полисемантическим значением. При этом исторические корни данного слова и его семантика уходят в древнетюркское время. Данный факт свидетельствует о широком распространении рассматриваемого термина среди тюркоязычных народов. В прошлом многие из них имели тесные этнокультурные контакты и генетические связи. В традиционном сознании хакасов сакральные предметы – *тӧс*’ы чаще всего мыслились в качестве семейно-родовых охранителей. Кроме того, с их образом устойчиво ассоциировалась идея мифического первоначала, связанная с культом предков.

В процессе этнокультурного взаимодействия автохтонного населения и русских в поле зрения последних нередко попадали и хакасские фетиши. В религиозно-мифологическом восприятии русского населения, исповедовавшего православное христианство, *тӧс*’ы воспринимались в качестве материальных изображений «нечистой силы» – шайтанов. Это находило свое отражение в соответствующем к ним отношении, особенно со стороны православных миссионеров. В результате межкультурного взаимодействия этих народов в духовной сфере слово *шайтан* в его адаптированной форме утвердилось в хакасском языке. Оно весьма своеобразно и избирательно использовалось в речи коренных жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хакасско-русский словарь. М., 1953. 358 с.
2. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006. 1114 с.
3. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969. 715 с.
5. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб., 1869. Т. I. 829 с.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980. 392 с.
7. Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993. 152 с.
8. Ойротско-русский словарь. М., 1947. 312 с.
9. Ромина-Сыркашева Л.Т., Кучигаешева Н.А. Телеутско-русский словарь. Кемерово, 1995. 120 с.
10. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2002. Т. II. 389 с.
11. Сагалаев А.М. О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 155–179.
12. Бурнаков В.А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 107–114.
13. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952. 217 с.
14. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.; Л., 1949. 142 с.
15. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000. 778 с.
16. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
17. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 2. 300 с.
18. Отчет Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1915. Красноярск, 1916. С. 17–23.
19. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань, 1897. 104 с.
20. Львова Э.Л. Материалы к изучению этнической истории чувльмских тюрков по данным шаманистского культа // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 174–175.
21. Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. 714 с.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. 864 с.
23. Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941. 108 с.
24. Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.
25. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. 62 с.
26. Ядринцев М.Н. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.
27. Люцидарская А.А. Колдовство и магия в жизни колонистов Сибири XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии, 2007. № 4. С. 124–129.
28. Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. 1884. № 5. С. 7–9.

REFERENCES

1. Khakass-Russian dictionary. Moscow, 1953, 358 p. (In Russ.).
2. Khakass-Russian dictionary. Novosibirsk, 2006, 1114 p. (In Russ.).
3. Butanaev V.Ya. Khakass-Russian Ethnographical Dictionary. Abakan, 1999, 240 p. (In Russ.).
4. Ancient Turkic dictionary. L., 1969, 715 p. (In Russ.).
5. Budagov L. Comparative Dictionary Turkish-Tatar adverbs, with the inclusion of common words in Arabic and Persian and translated into Russian. St. Petersburg, 1869, vol. I, 829 p. (In Russ.).
6. Sevortyan E.V. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Turkic between bases on the letters “V”, “G”, “D”. M., 1980, 392 p. (In Russ.).
7. Kurpeshko-Tannagashev N.N., Aponkin F.Y. Shor-Russian and Russian-Shor dictionary. Kemerovo, 1993, 152 p. (In Russ.).
8. Ouyrot-Russian dictionary. M., 1947, 312 p. (In Russ.).
9. Rumina-Syrkasheva L.T., Kuchigasheva N.A. Teleut-Russian dictionary. Kemerovo, 1995, 120 p. (In Russ.).
10. Tatarintsev B.I. Etymological dictionary of Tuvan language. Novosibirsk, 2002, vol. II, 389 p. (In Russ.).
11. Sagalaev A.M. On the laws of perception of the world’s religions Turks Sayano-Altai. *Genesis i evolyutsiya etnicheskikh kultur Sibiri* [Genesis and evolution of ethnic cultures of Siberia]. Novosibirsk, 1986, pp. 155–179. (In Russ.).
12. Burnakov V.A. Erlik Khan in the traditional world Khakas. *Archeologiya, Etnologiya i Antropologiya Evrasii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2011, N 1 (45), pp. 107–114. (In Russ.).

13. Potapov L.P. A Short History and Ethnography Khakases (XVII–XIX you). Abakan, 1952, 217 p. (In Russ.)
14. Preobrazhenskiy A. Dictionary of Russian language. M.; L., 1949, 142 p. (In Russ.)
15. Anikin A.E. Etymological Dictionary of Russian dialects Siberia. Borrowing from the Urals, Altai and Paleo-Asiatic languages. M.; Novosibirsk, 2000, 778 p. (In Russ.)
16. Great Dictionary of the Russian language. St. Petersburg, 2000, 1536 p. (In Russ.)
17. Bakhrushin S.V. Scientific works. M., 1955, vol. III, part 2, 300 p. (In Russ.)
18. Report of Krasnoyarsk Eparchial Committee of the Orthodox Missionary Society for 1915. Krasnoyarsk, 1916, pp. 17–23.
19. Katanov N.F. Trip report, done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsky District Yenisei province. Kazan, 1897, 104 p. (In Russ.)
20. Lvova E.L. Materials for the study of ethnic history of Turkic languages according to the shamanistic cult. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of Siberia natives and their languages]. Tomsk, 1973, pp. 174–175. (In Russ.)
21. Dahl V. Explanatory Dictionary of Russian language. St. Petersburg; M., 1882, vol. IV, 714 p. (In Russ.)
22. Fasmer M. Dictionary of Russian language. M., 1987, vol. IV, 864 p. (In Russ.)
23. Novitsky G. Brief description of the Ostyak people. 1715. Novosibirsk, 1941, 108 p. (In Russ.)
24. Klements D.A. A note on tyusyah. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela IRGO* [Proceedings of the East Siberian department IRGO], 1892, vol. XXIII, N 4–5, pp. 23–35. (In Russ.)
25. Adriyanov A.V. Sketches of Minusinsk edge. Tomsk, 1904, 62 p. (In Russ.)
26. Yadrintsev M.N. Siberia as a colony. St. Petersburg, 1892, 720 p. (In Russ.)
27. Liutsidarskaya A.A. Witchcraft and magic in the life of the colonists Siberia XVII century. *Arkheologiya, Etnologiya i Antropologiya Evrasii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2007, N 4, pp. 124–129. (In Russ.)
28. Klements D.A. Minusinsk Switzerland and the gods of the desert (from the diary of a traveler). *Vostochnoe obozrenie* [Eastern survey], 1884, N 5, pp. 7–9. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.03.2015

УДК 398.3+398.4+81.411.2

О.К. АНСИМОВА, О.В. ГОЛУБКОВА*

ДУХИ ЛЕСА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ: НОВОЕ РЕШЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Ольга Константиновна Ансимова
канд. филол. наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
e-mail: ansimova-ok@yandex.ru
Ольга Владимировна Голубкова,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17
e-mail: olga-11100@yandex.ru

Лесные духи (*леший* и прочие) относятся к пласту древнейших верований русского народа. Фольклорные и этнографические источники характеризуют *лешего* как хозяина леса, оберегающего свои уголья, способного менять свой облик. В современных словарях лингвокультуры мы не нашли словарной статьи *леший*. Мы предлагаем лексикографическую интерпретацию, используемую в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации. Совокупность этнографического, фольклорного и лингвистического материалов при комплексном подходе поможет определить степень изменения мифологических образов, характерных для традиционной культуры, и выявить их роль в картине мира русского народа. Основываясь на результатах опроса и полевых этнографических материалах, мы сформировали словарную статью *Леший*, отражающую современные представления носителей языка и русской лингвокультуры об этом мифологическом персонаже.

Ключевые слова: лесные духи, леший, народные верования, славянская мифология, фольклор, традиционная культура, словарное описание, лингвокультурная грамотность, лексикография.

O.K. ANSIMOVA, O.V. GOLUBKOVA

A LEXICOGRAPHICAL SOLUTION FOR FOREST MYTHOLOGICAL CREATURES DESCRIPTION IN THE RUSSIAN FOLK BELIEFS

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.